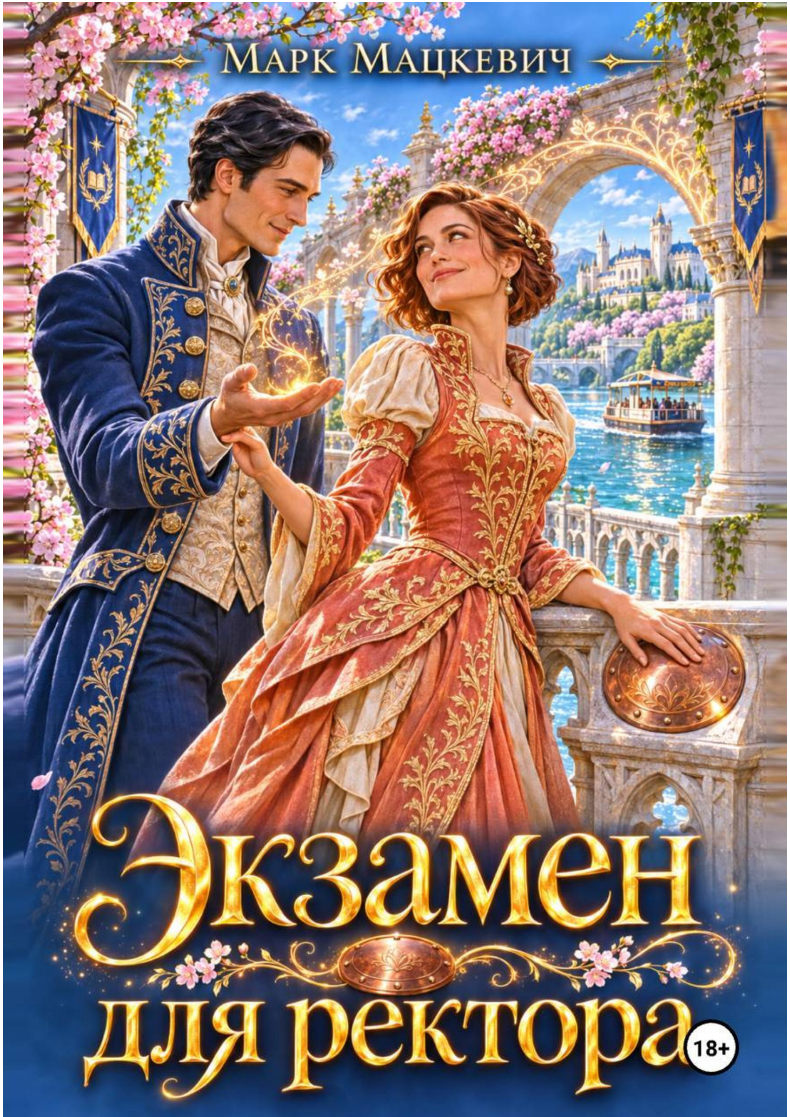

Марк Мацкевич
Экзамен для ректора
18+

Марк Мацкевич
Экзамен для ректора

https://litres.ru/74908873
SelfPub; 2026

Аннотация

Я сняла мост, а теперь должна экзаменовать ректора, который когда-то вышвырнул меня из академии!

После аварии у города остался один паром. Вода прибывает, торговцы ждут у закрытой переправы, а мою ученицу Лоту так и не пустили на настил. Откажусь от экзамена — другого мастера к сроку не найдут.

Северин Ладд по-прежнему умеет говорить так, что хочется выпрямиться и ответить по всей форме. И вдруг выясняется, что он умеет слушать. Этого я ждала от него двенадцать лет. Только готова ли я услышать, почему тогда он даже не дал мне слова?

Однотомник, можно читать отдельно.

Содержание

Глава 1. Дальний берег 4
Глава 2. Один паром 16
Глава 3. Ученическая парта 26
Глава 4. Повторить 36
Глава 5. Чужое ухо 44
Глава 6. Руки ученика 52
Глава 7. Калитка 61
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Марк Мацкевич
Экзамен для ректора

Глава 1. Дальний берег

У моего городского моста был голос треснувшей чашки. На середине стояли трое учеников.

У калитки ждала моя ученица Лота. Она с утра отпорола с рукавов всё лишнее, даже свой смешной медный колокольчик, и теперь застёгивала куртку под горло. Нам обещали, что её пустят на настил сразу после академической тройки. Я сунула ей в руки заявку, которую всю дорогу берегла от дождя.

— Стойте, — сказала я.

Девушка впереди застыла, подняв пятку. У второй в руке болталась холщовая сумка. Третий, в расстёгнутой куртке, обернулся на мой голос, и настил под его сапогом прогнулся.

Калитка на Нижнем была открыта. Под досками гуляла вода. Настил держался на магии, и в медной пластине у перил я могла услышать, как он нагружает обе опоры. Я прижала к пластине ладонь. Её отливал ещё мой учитель. По краю пошли зелёные пятна, а посредине медь до блеска протёрли пальцами. От ближнего башмака шла ровная дрожь. Дальний отозвался с запозданием, коротко и высоко.

— С Нижнего берега, кто у вас на посту? — спросили через воду.

Я знала этот голос. Двенадцать лет для голоса, оказывается, пустяк. Я ещё успела дотереть большой палец о фартук, прежде чем взглянула на другой берег.

Северин Ладд стоял у самых перил. Сюртук он укоротил, и ветер выдувал из-под него подкладку. Я помнила его за кафедрой, по пояс над рядами парт. Здесь доски под ним были такие же сырые, как подо мной.

— Веда Ранн. Городские переправы.

— Госпожа Ранн, уберите руку с пластины. У нас упражнение.

В мастерской меня так звали только тогда, когда приносили счёт.

— Послушайте свою пластину.

Ладд посмотрел на троих на настиле. Девушка впереди всё ещё стояла на носке, и я видела, как дрожит у неё колено.

— Ногу можно поставить, — сказала я ей. — Прямо здесь. Как тебя зовут?

— Нела.

Подошва легла на доску, и Нела вздохнула с таким облегчением, что мне захотелось отвернуться. Много ли ей было нужно.

Ладд откинул перчатку на перила и приложил руку к меди.

— У меня всё ровно, — сказал он.

— А я слышу, как ваш башмак ходит в пазу. Выведите их к себе. По одному, как стоят.

До меня даже последнему было шагов девять. От Нелы до Ладда оставалось три. Позови я их сюда, все трое развернулись бы разом. Настил уже скрипел под весом одного. Я притянула калитку и вложила мокрый засов в пальцы Лоты.

— Держи.

На Верхнем Ладд оттеснил ожидавших за стойку. Сам остался в проходе и повернулся к Неле. Он снял вторую перчатку. По тому, как он спрятал её за пояс, чтобы обе руки были свободны, я поняла, что девочку он примет.

— Что держит дальний конец? — спросил Ладд.

— Башмак ещё в пазу. Поддерживайте настил. Нела, если он скажет идти, смотри на него.

Мне казалось, что я сказала это громко. На том берегу Ладд наклонил голову. За ним на высоком причале сушились учебные куртки, их рукава трепало в одну сторону, от города.

— Я слышу, госпожа Ранн, — ответил он. — Нела, ко мне. Сумку, Улья, оставь на досках. Заберём потом.

Улья прижала сумку к животу.

— Там мамин обед.

— Что на обед?

— Пирог.

— Тогда положи аккуратно.

Сумка опустилась на настил. На сером холсте расплыва-

лось масляное пятно, пахнуло укропом. Я уже успела проголодаться, и тут же опять забыла об этом, потому что Нела сделала первый шаг.

Ладд протянул ей руку, когда до берега оставалась одна доска. Она сама взяла его за запястье. Следом прошла Улья. Последний ученик на последних двух шагах прибавил. Ладд ухватил его за ворот. На перила легла белая пыль от камня.

— Трое у меня, — сказал он.

Ладд закрыл калитку за третьим учеником. Лота отпустила засов на нашем берегу, когда я взялась за него сама.

Лота протянула мне заявку. Пока стояла, она размочила бумагу большим пальцем там, где я написала её имя.

— Снимаем.

Он мог дать мне ещё одну команду. Я ждала её даже после того, как увидела его руку на противоположном рычаге. Оба конца настила потемнели, пролёт осел, сошёл с опор и распался на воде на светлые полосы. Пустую сумку с берега я приняла бы за утку. Эта шла боком и у самого поворота набрала воды.

Медный башмак осел в пазу набок. Над водой открылся косой излом, светлый, без зелени.

Ладд снял руку с рычага. Теперь нас разделяла река, и чтобы подойти ко мне, ему пришлось бы идти в обход.

— У вас записано, что оба берега проверены? — спросила я.

Он достал лист из кармана. Издали мне не было видно,

кто подписал.

— Да. Здесь так записано.

— Принесите мне этот лист.

Северин сложил бумагу вдвое. На этот раз я дождалась, пока он ответит.

— Принесу.

За навесом было сухо, если стоять у самой задней стенки. Мы с Лотой разделили сухое место так, что обе намочили по плечу. Где-то выше по берегу хлопали двери. Из академии вывели учеников, ожидавших своей очереди, и теперь по той стороне шла целая процессия. Узнать Улью издали было легко. Только она шла, прижав локоть к боку так, как будто сумка по-прежнему висела у неё на руке.

— Можно я завтра приду? — спросила Лота.

В её голосе я уже слышала, что завтра она наденет ту же куртку, проверит все пуговицы и придёт на полчаса раньше, на всякий случай.

— Сначала посмотрим, куда тебя можно пустить. У нас на складе есть настил пониже. Я попрошу у сторожа сухие доски.

— Ты их сама на месте узнаешь. Я хочу на такой, где и тебе надо слушать.

На Нижнем берегу любой мог научиться у городского мастера ставить башмаки, чистить пазы и различать звон. Пройти учебный настил давали только академическим, а без прохода никто не доверял тебе собственный пост. Я училась

сразу здесь, наверху. Лоте устраивали пробу между двумя группами, пока оставалось свободное место. Она сама об этом договорилась. Каждую среду заходила к распорядителю и ждала у двери, пока тот отпустит тех, у кого были дела важнее.

Мне хотелось сказать, что с её умением она обойдётся без всех их досок. Учатся же переправе люди в деревнях, где ни одной кафедры в жизни не видели. Только я сама не отдала бы свой рычаг человеку, который слышал медь лишь на верстаке.

— Попросим новое время, — сказала я. — Мы обе придём.

Лота расправила рукав. Там, где прежде висел колокольчик, осталось маленькое тёмное отверстие. Из него выглядывала нитка.

— Вед, наверху калитка была закрыта.

— Какая? У настила?

— Боковая. Та, где спускаются к дальнему башмаку. Я утром пришла раньше, думала посмотреть с той стороны, куда ставить ноги. У калитки сестра казначея ждала, чтобы ей открыли дорогу к воде. Она дёрнула за ручку, а на ней замок. Тогда я пошла сюда.

Я хотела спросить, видела ли она, кто запер. Но Лота и так рассказывала всё, что помнила. Она развернула мокрую заявку, положила её на скамью и провела ногтем по загнувшемуся уголку.

Я знала эту лестницу. Весной ступени там чернели снизу от воды. На третьей не хватало правого угла, и в мокрую погоду к стене приходилось прижиматься бедром. Двенадцать лет прошло. Каменщики могли за это время переложить всю стенку. На Нижнем лестницы менялись с таким трудом, что я почти наверняка знала, куда сейчас поставила бы ногу.

В начале дорожки скрипнул песок. Ладд пришёл один. На Верхнем он был в коротком сюртуке с медной пуговицей, а к нам спустился ещё и в добротном чёрном пальто. От плеча до локтя рукав забрызгало грязью. На длинной дороге сюда ему пришлось спуститься на нижний поворот, где после дождя под ногами чавкает у каждого, даже у ректора.

— Можно? — Он показал на скамью.

Лота поспешно собрала с неё свои бумаги. Я едва не подвинулась следом, хотя между мной и концом скамьи хватало места для троих.

Он положил передо мной лист. На сгибе проступила белая черта. Графа Верхнего берега и графа Нижнего были заполнены одними чернилами. Под ними стоял один росчерк старшего дежурного с таким высоким хвостом, что он захватывал обе клетки. Такие хвосты ставят люди, которые подписывают за день слишком много мелкой работы и хотят хоть где-нибудь размахнуться.

— На дальнем кто смотрел? — спросила я.

— Когда выясню, скажу вам.

За навесом по камням пробежала вода. Наверху всё ещё

виднелась лестница, но с этого места проём за перилами скрывался целиком. Лота встала на край сухой полосы, чтобы лучше его рассмотреть.

— Ладд, ученица пришла до нас. Спуск на вашем берегу был заперт.

Он повернулся к ней.

— Ты видела замок?

— Видела, господин ректор. С той стороны кольцо на стене ржавое, а замок светлый. Я ещё подумала, его недавно поставили.

— Как тебя зовут?

Лота ответила без запинки. Он взглянул на заявку. Там, под её ногтем, бумага уже почти протёрлась.

— Тебе отвели сегодняшний проход?

— Да.

— Я попрошу мастера подобрать тебе время, когда восстановим настил. У нас есть сухой учебный двор. Можешь начать там без очереди.

У Лоты дрогнул подбородок. Всё утро она зашивала дырки возле пуговиц, а сейчас стояла в насквозь мокрой куртке и получила то, за чем ходила четыре недели. Мне оставалось поблагодарить за нас обеих. Рот открылся сам, в самый неподходящий момент.

— Мне нужно сдать на пост, господин ректор, — сказала Лота. — Во дворе потом опять попросят принести разрешение на воду.

Ладд перевёл взгляд на меня. Под его пальцами край листа успел завернуться, и теперь он разглаживал его, проводя суставом большого пальца по сгибу.

— Я не знал, что ей на пост.

— Она сказала это распорядителю. У нас написано в заявке.

Он подвинул её к себе и прочитал ту самую строку, которую я писала вчера у окна. Там чернила сохранились. Хуже всего стало от того, что он разобрал её без труда. Почерк у меня к концу академии был мелкий, сухой. Двенадцать лет на ветру и в лодках приучили меня писать крупно, чтобы человек мог прочитать записку при слабом свете, даже если промёрзли руки. С Северином я, оказывается, всё ещё готовилась объяснять написанное.

— Сегодня прохода у неё не будет, — сказал он. — Я могу распорядиться насчёт двора. С чего начать остальным, решит мастер, когда осмотрит башмак.

Внизу вода тянула к выступу под лестницей берёзовую ветку. Сумку Ульи давно унесло, а ветка крутилась на одном месте. На её конце желтели почки.

— У Лоты есть ещё кое-что, что она может сделать сегодня. Если захочет.

Я положила рядом с листом свою карандашницу и вынула сухую бумагу. Она пахла древесной стружкой. В мастерской я держала такие листы между двумя обрезками липы, оставшимися от первого верстака.

— Можешь написать сама, что видела утром. Под каким путём был замок и когда. Без предположений. Городскому надзору я отнесу вместе с этим листом.

Северин поднял руку, и я уже приготовилась придержать исходник. Он поправил ворот пальто.

— Дайте переписать, кто дежурил. Мне надо найти его до вечернего звона.

— Перепишите фамилию. Надзору я отдам подлинник с её показанием. Они сами позовут дежурного, если захотят услышать.

Он вынул из кармана маленький карандаш без заточки, попробовал ногтем грифель и убрал. Я подала ему свой складной нож. Он взял его за тупой конец. Руки у него были холодные, и самым досадным оказалось, что я успела это заметить.

Лота села на скамью. Взяла стружку от карандаша и смахнула с бумаги себе на колено. Свою фамилию она вывела первой, так же широко, как я за день до этого выводила её имя. Потом долго сидела над словом «светлый», зачеркнула его и написала заново, разборчивей.

Северин достал печать. Положил рядом с листом, где Лота ещё писала. На дереве отпечатался мокрый круг от его ладони.

— Без моей отметки письмо примут? — спросил он.

— Надзор у нас принимает слова всякого, кто был на месте.

Лота замерла. Кончик грифеля у неё стоял у самой последней буквы.

— Тогда пишите, — сказал он ей и убрал печать в карман.

К надзорной будке мы пошли по набережной. Ладд держался на полшага сзади. Я слышала, как он останавливается там, где Лота замедляет шаг. Ему нужно было перейти на дорогу к академии, но он свернул вместе с нами, придержал дверь и дождался, пока надзорщик впишет обе бумаги в книгу. Лота сама расписалась за свою.

Надзорщик попросил показать излом. Я отвела его к перилам. Он долго смотрел на дальний башмак в подзорную трубу, потом дал её Лоте и велел найти то, что нашёл он. Она прижала трубу к щеке, увидела косой блеск и выдохнула так, что запотело стекло. Я вывернула край рукава и протёрла стекло сухой изнанкой. Ладд стоял рядом. Я думала, он заговорит первым. Он дождался, пока Лота опустит трубу.

— Открывать будем после осмотра, — сказал надзорщик. — Малый переход держит ваша же смена, господин ректор?

— Да.

— Тогда оба закрываю до завтрашнего заседания. Предупредите своего постового, пока к нему не пошли с телегами.

Со стороны Малого в это время ударили в колокол. Один удар, потом второй. Так звали тех, кто хотел успеть перейти до вечерней воды. На дороге к настилу люди ещё стояли в обычной очереди, с креслом на тележке, с вёдрами на коромысле. У задней телеги мальчик нагнулся завязать шнурок.

Никто в очереди ещё ничего не знал.

— Я предупрежу, — сказала Лота.

Она посмотрела на меня. Я дала ей запасной ключ от будки на Малом, который обычно носила при себе. Слово «иди» тоже было у меня на языке. Лота к тому времени уже спускалась с крыльца.

Глава 2. Один паром

Наутро паромщик отказался везти целую бочку муки. Её привёз Савел, пекарь с Верхнего. Можно было вернуться к объездной дороге, но тогда Савел добрался бы до своей печи к полудню. Он слез с телеги и принялся уговаривать.

— Она сухая. Ставь посередине, у тебя даже крест там нарисован.

— На крест я сажаю людей, которых качает. Поставлю туда бочку, они полезут по краям.

За Савелом ждали еще шесть человек. Две женщины держали между собой дитя в одеяле, над которым возвышалось одно красное ухо. На телеге, кроме бочки, лежали пучки хвороста. Лошадь жевала жгут с обода колеса, а Савел всё поглядывал на Верхний, где над крышами уже поднимались дымки.

— Печь топится, — сказал он.

Савел был старше меня на год. Его мать пекла круглые буханки на одном поде с лепёшками и складывала их у дверей, отчего на Нижнем берегу всегда знали, когда обед. Он перебрался наверх, когда прежнюю пекарню залило. Печь пересобрал, камни пометил мелом и до одного увёз на телеге. Теперь там с утра ждали хлеба люди с двух улиц.

— Сколько тебе до первой выпечки? — спросила я.

— Пять ковшей. Дома в ларе один.

Паром был рассчитан на пеших с кладью. Пара мешков уместилась бы у ног, если его вести без толпы. Савел не взял с собой ни одного: бочку у мельника сам приспособил под муку и был этим доволен до самого причала.

— У меня в мастерской найдётся тара. Где Лота?

— Глянь под носом, — сказала одна из женщин. — Вон она, за телегой.

Из-за телеги показалась Лота с корзиной на локте. Верх корзины обвязала тряпкой. Оказалось, в ней пустые полотняные мешочки, в которых мы держали медную крошку. Лота вчера отдала ключ постовому на Малом и задержалась там до темноты. Успела услышать, кто собирается перейти утром. Мешочки вывернула заранее, простирала и всю ночь сушила над плитой.

— Я предлагала Савелу пересыпать. Он говорит, пропахнут железом.

Савел одним глазом заглянул под тряпку. Выбрал мешочек, ткнулся в него носом и ничего не сказал. Я повела его телегу к навесу. Там дождь с крыши падал по одну сторону жёлоба. Муку можно было пересыпать с другой.

Лота держала мешок раскрытым обеими руками. Савел совал ковш в горловину бочки, зачерпывал с такой силой, что сыпалось на край. Он тёр лицо рукавом, оставляя на щеке мучную метку. Когда зачерпнул последний раз, с Верхнего берега позвали паромщика. До отправления оставалось всего несколько минут. Савел бросил ковш прямо в бочку и

потянулся за мешком.

— Завяжи, — сказала Лота.

Он так на неё посмотрел, что она протянула ему собственный шнурок, вынутый из воротника. Шея у неё сразу стала видна, тонкая и в мурашках. Савел затянул горловину и попробовал взвалить на себя всё сразу.

— Оставь два мне, — сказала я. — Отнесу до другой пристани.

Из будки парома уже несли трап. Мы проскользнули следом за женщинами с ребёнком. Я опустилась на скамью и пристроила оба мешка на сапогах. Пальцам вдруг стало тепло. Мука пришла с мельницы молодой, ещё не успела остыть. Савел держал свои мешки на коленях и тоже застыл. Его ладонь лежала сырой стороной к ткани.

На середине паромщик упёрся спиной в длинное весло. Вода плеснула на трап изнутри. Стоило взглянуть на большой переход, и успевало показаться, что настил у него есть. По обеим сторонам реки торчали знакомые перила, а между ними от берега к берегу висел светлый пар от воды. Савел так и смотрел туда, пока не заговорила женщина рядом.

— Точно к полудню испечёшь? Дома ещё со вчерашнего хлеба нет. У Андры забрали всё до последней корки.

— К полудню, — сказал Савел.

Я знала, сколько времени у него подходит тесто. Утреннее он ещё успевал спасти, если принесёт свежую муку, но второй замес будет только вечером и остаток бочки всё ещё на

телеге. От одного перехода на пароме это не излечивалось. Я могла девять раз за день перенести Савелу по мешку и всё равно оставить его без дров.

Он взял у меня кладь на Верхнем. Перевязал её длинными концами шнурка и, уходя, велел передать Лоте, что на полке у печи её дождётся буханка. Дождя уже не было. Он уходил вверх по улице, обняв мешки, и влажная мучная метка светилась у него на щеке. Я постояла у конца трапа. На Верхнем до пекарни нужно было подняться всего на два поворота. С Нижнего туда нынче добирались через половину города.

Следующим рейсом вернулась в мастерскую. Лота сидела в проёме окна, свесив наружу голые по щиколотку ноги. Сушила сапоги, вынув стельки. Мои вчерашние слова про склад она поняла всерьёз: принесла с полки старую ведомость и расчертила оборот под вид настила. У ближней опоры она нарисовала палочку с двумя ступнями. Я решила, это она сама.

— Там, где площадка хлюпает, две ступни нарисуй вдвое шире, — сказала я.

— Это ты у меня, — сказала Лота. — Я хочу взять дальнюю сторону.

Линия от одной палочки к другой шла с изгибом. Бумага была тонкая, и от нижней ведомости по кривой проступил список винтов. Лота загородила его ладонью.

— Мне бы сухой двор тоже пригодился. Можно я скажу ему, что согласна, даже если там пока одна тренировка? И

скажу, что хочу потом, как все.

— Скажешь. Постарайся только получить ответ, когда вам можно вернуться к воде. Иначе он запомнит первую половину.

С улицы позвали меня по фамилии. Мальчик в куртке речного надзора просунул в окно свёрнутую бумагу и сказал, что ждут наверху, в Речном зале совета. До зала отсюда было несколько минут пешком. Ему, видно, велели ждать до ответа: он переминался, стирая грязь с башмака о наш порог. Из мастерской тянуло щёлоком и сырым деревом. Я стояла с тёплым от муки рукавом и думала, что засов ему мешает пройти, хотя он никуда не собирался заходить.

— Передай, что буду.

Лота пропустила мальчика из виду, прежде чем спросить.

— Тебя тоже вызвали из-за листа?

— Очень надеюсь. Бумагу с тобой они уже получили.

Я велела ей съесть что-нибудь, пока не убрала плиту, и нашла чистую тесьму, чтобы можно было закрыть ворот.

В Речном зале окна смотрели прямо на воду. Когда мы сдавали городской доступ к переправам, мой мастер вставал к окну спиной и принимал у нас ответы, не сходя с места. Он говорил, там слышно, когда подходит дождь и когда лжёт ученик. Я тогда думала, это его привилегия. Теперь за тем же окном стучала ставня. Никто не мог до неё дотянуться, не встав на подоконник.

Речной надзорщик, принимавший наши бумаги, оставил

у стены четыре пустых стула. Я заняла ближайший к двери. На длинной стороне стола сидел Северин. Он отодвинул соседний стул, когда я вошла, но я уже сняла пальто и повесила его на гвоздь у себя.

— Трое дома, — сказал он мне. — Я обещал сообщить, как только увижу вас. Мальчик подвернул лодыжку. Отекла к вечеру, лекарь велел день лежать. Улью за пирог отругали.

На этом месте я ждала, что он улыбнётся. Он достал из папки сложенную записку и передал надзорщику.

— Оставил ей на сегодня ключ от учебной кухни. Там собирает обед дежурная группа. Говорит, десяток пирогов таких напечёт, лишь бы домой без него больше не приходить.

— Ей было страшно, — сказала я.

— Было. Я потому и спросил, что на обед.

Я поймала себя на том, что ищу у него на пальцах след вчерашнего рычага. Рукав сидел так плотно, что скрывал всё до косточек. Мой мастер всегда говорил, что по рукавам узнаешь, когда человек собирается работать сам. У Северина были такие, в которых даже воду из ведра можно пролить на собственные ноги и остаться чистым.

К столу подошла советница Дана Вир. Короткие волосы у неё были заправлены за одно ухо, второе скрывалось. Я её видела на пристани осенью. Она сама проверяла, что отчёт о перилах совпадает с тем, сколько их стоит на месте, и залезла для этого на мокрый камень в парадных туфлях.

— Господин Ладд, комиссия с утра приостановила ваш

допуск к городским переходам. Я подписала решение от совета. За остальное в академии вы отвечаете, как прежде. Изменится только то, что без восстановления допуска ваша смена к воде не выходит. До осмотра обоих башмаков переправы остаются закрыты.

Северин до этого держал руки на столе. Теперь положил одну на другую и спросил:

— Смена вся? Или только я?

— Это ваш личный допуск. Смена может работать с другим аттестованным руководителем. Как я понимаю, такого в Каменном Броде сейчас нет.

— Кроме городских служащих, — сказал Северин и взглянул на меня.

— У городских своя смена. И паром. Если сейчас взять их руководителя в академию, на Нижнем берегу останется полдня воды под присмотром одного сторожа.

Меня потянуло расписать ей весь берег с утра до ночи. Кто выходил менять доски на паромном трапе, когда у него подмерзала нога. У кого одна девочка в подмастерьях, а кто работал со сломанным пальцем, зажатым между двумя тесёмками. Вир обмакнула перо, записала что-то на полях своего листа и, подняв глаза, добавила:

— Я запрашивала запасного мастера. С низовья ответили, что его отпустят после высокой воды. Письмо у меня в кармане, могу дать почитать.

В зале было трое от совета. Один из них развернул стул к

окну. Мне видно было, как бумага сотрясалась у него в руке от каждого удара ставни.

— Значит, экзамен, — сказал Северин.

Вир придвинула к нему книгу в потемневшем переплёте. Тесьма у корешка была такой ширины, что я бы подшила ею перчатку.

— По старому уставу, — сказала она. — Когда учебные мосты сделали городскими, совет оставил право испытать ректора на переправе. И оставил выбор мастера за городом. Я буду вторым проверяющим от совета. Вы видите, почему позвали госпожу Ранн.

На слове «позвали» я разглядела, куда положила пальто. Прямо возле дверной ручки, так что хватит одного движения подхватить и уйти. Сама же выбрала это место.

— Она может отказаться? — спросил Северин.

Советница положила ладонь на книгу.

— Может.

— Я должна вам кое-что сказать, прежде чем вы предложите мне работу. Из Каменобродской академии меня отчислили. Господин Ладд подписывал приказ.

У стола перестали шевелить бумаги. На пол под окном упала сухая крошка штукатурки. Я прежде дважды пыталась произнести то же самое в верхнем городе. В первый раз вернулась к академической двери с пустой сумкой и простояла до ухода сторожа. Во второй раз меня попросили вписать число семестров в бумаги городского мастера, и я отдала ему

пустую страницу. За следующие годы на Нижнем берегу никто не спросил, где я выучилась держать настил. Только однажды Савел прижал обе руки к груди и велел вернуть ему обратно его дурацкую телегу. Я вернула. Он с тех пор знал, чему я выучилась.

— Вы подпись помните? — спросила Вир у Северина.

— Помню. Подписывал я.

От этих двух слов в зале стало слышно ставню. Я ждала продолжения. Северин мог объяснить тогдашнее решение всем сразу, не дав мне даже открыть рта. Он сдвинул книгу к Вир на ширину пальца и замолчал.

— Старый приказ вы на этом экзамене пересматривать не сможете, — сказала мне Вир. — Результат подпишем вместе. Если я сочту, что вы спросили с него лишнего, моя подпись это покажет. И наоборот. Можете взять сутки, чтобы решить.

Я взглянула в окно. Видно было, как причаливает паром. Люди сходили на Нижнем и немедленно расходились по воде и по грязи, кто к телегам, кто к домам. Ни одного мешка Савела оттуда, конечно, уже было не различить. Зато сама бочка белела под крышей. Он оставил её на той стороне под присмотром Лоты. Сколько таких бочек она перенесёт до первой большой воды, я не знала. Знала, что после каждой она будет спрашивать, когда нам разрешат выйти на настил.

— Кто увидит, по чему вы его проверяете? — спросила я.

— Сейчас условия можно записать и вывесить на обоих берегах.

— Их прочтут и те, кто живёт под лестницей. Им обещайте то же, что людям в этом зале. Если пройти к опоре можно только со двора по закрытой лестнице, мне нужен вход туда. И на дальний берег хочу ставить того, кто ответит мне своим голосом.

— Оба берега будут доступны, — сказал Северин. — От меня для этого что нужно?

Я знала, что мне нужно от него. Отойти в сторону, пока мы выставим условия, и выслушать, когда их назовут. По его вопросу нельзя было догадаться, отойдёт он или снова возьмёт всё на себя. Я повернула к себе лежавший перед Вир лист. Там была пустая строка, отведённая под моё имя.

— Завтра выслушаете назначение. Сегодня я соглашусь.

Вир дала мне перо. Я вывела фамилию так крупно, что последняя буква упёрлась в край листа. Вир подождала, пока я отложу перо, и велела Северину назвать помещение, где наутро можно объявить условия при свидетелях. Он подумал и сказал, что сухой настил ближе всего к старому классу у двора.

Я знала, сколько там парт. Какую скамью летом поднимали на кирпиче. Где к концу дня шло по полу солнце, упираясь в стёртую ножку стола, за которым я когда-то сидела.

— Подойдёт, — сказала я. — Вы тоже там будете вовремя.

Глава 3. Ученическая парта

В первый год в академии я думала, что парта в первом ряду оставлена для провинившихся. За ней учитель слышал, как ты переворачиваешь лист, и видел, сколько места у тебя осталось на полях. Однажды я просидела целый урок с дырой на локте. Почти всё, что говорил тогда Ладд о смене опоры, я пропустила, потому что прикрывала локоть ладонью.

У первой парты так и не заменили накренившуюся ножку. Я придавила угол столешницы, и она качнулась ко мне с тихим стуком. На столешнице плыл на боку вырезанный ножом кораблик. Раньше это был мой флот. Я надрезала всего одну доску, под самым парусом. Остальное дорезал кто-то после меня.

Дана Вир начала утро с того, что распахнула дверь из класса во двор. В проёме поднималась низкая крыша над сухим настилом. За ней виднелись мокрые клёны, ещё почти голые. Солнце подбиралось к их ветвям, и по стене уже ползла полоска света шириной в ладонь.

— Вход здесь, — сказала Дана. — С улицы люди пройдут прямо к настилу. Если им придётся заходить через сторожа, от открытого экзамена ничего не останется.

В классе уже сидела Нела. Принесла с собой корзину бумаги и отвела нам две пустые парты. При нашей первой встрече у неё была куртка с высоким воротником. Сегодня я

видела, что она даже дома у зеркала навряд ли умеет убрать волосы с одной стороны шеи: заколки повсюду, а из-под них выбилась целая прядь.

— Будешь писать? — спросила я.

— Нас просили. В классе записывать вопросы и ответы, на дворе замечать, кто что услышал. Улья принесёт копии для пристани. Я ей оставила место.

Нела показала носком на лавку. На лавке лежала перевёрнутая чернильница, из которой давно всё вытекло. Девушка заметила мой взгляд и подняла её к свету.

— Вот эта дрянь у нас всё время лежит. Со второго года. Подставку подпилили, крышкой расклиниваем.

Я сняла с подоконника клин для окна, загнала носком под ножку и попробовала стол. Кораблик перестал плыть. Нела провела обеими ладонями по столешнице.

— А Лоту пустили во двор? — спросила я у Даны.

— Пустили. Ей выдали деревянную бирку. Она повесила её на шнурок, чтобы служитель видел с другого конца двора.

— Хорошо бы повесил у себя на двери, — сказала Нела. — Ему проще, когда у всех в классе одно лицо.

Дана укоризненно подняла брови, но отвернулась к двору с улыбкой.

Северин вошёл через внутреннюю дверь. У него под мышкой была свёрнутая карта, удерживаемая бечёвкой. Руки заняты, и дверь он толкнул плечом. Должно быть, всегда так делал, когда приносил в этот класс навороченную учебную

снасть: ноги уверенно повели его вдоль стены к кафедре, и даже узел на карте он начал развязывать раньше, чем остановился.

— Здесь посередине, пожалуйста, — сказала я. — За первой партой.

Он поднял голову. Из двора вошёл пожилой постовой с медной нашивкой Малого перехода, увидел нас и сел к двери. Шорох от его пальто утих, а Северин всё стоял напротив кафедры с одной развязанной петлёй на бечёвке.

— Карта будет видна? — спросил он.

— Если положить её на две парты сразу. Нела, отодвинь корзину.

Девушка высвободила место. Северин сел очень ровно. Колени не уместились под низкой доской, пришлось выставить ногу наружу. Я вспомнила, как сама прятала локоть за этой партой. Тогда тоже казалось, что все только и ждут, где покажется дырка. Я подошла ближе и придержала край карты, пока он разворачивал её.

Дана развесила у двери первые два экземпляра объявления. На бумаге поблёскивали чернила. Она вслух прочла дату завтрашней пробы и место, чтобы в классе услышал даже постовой у двери. Когда дошла до условий, я попросила её дать мне слово.

— Первый раз работаем на сухом настиле. Вы разводите людей по берегам, проводите одну группу туда и обратно. Если ответная пластина не отзовётся или дежурный увидит

повреждение, входы закрываются. Покажите, кто отдаёт команду и кто проверяет, что люди ушли с досок. На воду идём после чистого сухого прохода и осмотра опор. Закрыть может любой пост.

— Можно считать закрытием, если дежурный поднял руку? — спросил Северин.

— Повернитесь к двери.

Он повернулся. Старый постовой спокойно сидел на месте. Между стеной и его пальто шевельнулись два пальца. Северин подождал.

— Что вы видели? — спросила я.

— Руку он не поднимал.

Постовой подался вперёд. Из-за борта пальто показалась его раскрытая ладонь. Он держал её поднятой ещё с тех пор, как Северин повернулся.

— Вот так с Верхнего нас иногда и видят. Возьмите любые предметы и покажите на карте, как расставите людей.

Северин взглянул на карту. Видно было оба берега и два прохода к воде, выделенные синей краской. Он достал из кармана четыре счётных кружка, выложил их парами у концов перехода и поставил в середину Нижнего ту самую пустую чернильницу.

— Это я. У ближнего поста двое. Один держит пластину, другой считает людей. На дальнем такой же состав.

Он разложил всё быстро. Во время первых занятий на воде ему часто попадался кто-нибудь, кто хотел проверить,

действительно ли магия держит настил, если прыгнуть на нём обеими ногами. Северин прежде удивительно редко кричал. Подходил и поднимал руку так, что человек как раз успевал посмотреть под ноги и понять, что делает. Теперь, когда он расставлял кружки, я тоже ждала привычной открытой ладони.

— Что делает дальний, если у него нет ответа? — спросила Дана.

— Предупреждает. Второй человек повторяет команду с ближнего берега.

— Чью? — спросила я.

Северин коснулся горлышка чернильницы.

У Нелы перо перестало царапать лист. Ей было видно за партой всё, кроме одной вещи. Чёрное горлышко куда лучше закрывало нарисованные перила, чем его рука. Я подняла чернильницу и переставила к окну.

— Вы отходите по настилу за человеком, который не может идти сам. На два голоса сразу не ответите. Что дальше?

Северин потянулся за чернильницей, и пальцы остановились над пустой синей полосой. Нела писала уже снова. Я слышала, как перо при каждом движении цепляло волокно на сгибе.

— Дальний закрывает вход сам, — сказал Северин.

— Скажет вам закрыть или закроет?

— Закроет.

— Откуда я узнаю об этом с моего берега?

Он посмотрел на постового. Тот вынул наконец руку из-за спины и положил на колено раскрытой ладонью.

— Ударит по стойке, — сказал Северин. — Две коротких пары. Я оставлю человека слушать, пока сам на настиле.

Дана отметила что-то на полях.

— Завтра у вас будет такой человек. Можно кого-то из наших городских вызвать. Нела, дай мне чистый лист, запишу про звук, чтобы вывесить. Кто захочет прийти посмотреть, пусть располагается у стены.

Северин поправил два кружка у дальнего края. Сделал это тихо, придерживая каждый пальцем. Я подумала, что он хорошо знает самую трудную часть работы: кого отправить за человеком, когда этот человек находится в трёх мокрых шагах и страшно терять хоть один. О том, с какой стороны слышен ответ, он пока говорил со своего привычного места.

Из двора в класс потянуло стружкой. Кто-то приволок доски под крышу. Нела встала и пропустила Дану к двери, а Северин всё ещё сидел за первой партой. Я хотела забрать карту. Он поднял с неё кружки, сложил их обратно в карман и спросил:

— А вы где стоите?

— Где слышу оба ответа. Сегодня во дворе, завтра решу после осмотра.

— Я спросил про тот день на мосту.

За открытой дверью заскребли по камню. Доску волокли концом по земле.

— У левой стойки. Вас было видно.

— А мне вас сперва закрывала Улья.

Он подвинул мне свёрнутую карту. Бечёвку оставил развязанной. Я видела только его лицо. Достаточно близко, чтобы заметить, как изменился у него рот за двенадцать лет. На одном углу появилась короткая резкая складка, каких не бывает у людей, привыкших всё говорить с кафедры и уходить. Я ещё раз услышала, как он через воду спрашивал у Ульи про пирог. На мосту я знала, где он стоит. О том, что видел он, задумалась только сейчас.

Сухой настил во дворе не доходил мне до колена. Под ним на утоптанной земле остались следы от козел. Их убрали, чтобы поставить опоры точно так же, как на воде, и держать доски магией. У каждого башмака под выкрашенной белым стойкой лежала щепка для проверки. Лота сидела у дальней стойки и переставляла клинышек с торца на ребро. Деревянную бирку она убрала под ворот, чтобы не звенела о медь.

— Можешь мне сегодня на месте помочь? — спросила я её. — Если пустишь троих точно в один ритм, надо услышать, как каждый отзовётся на дальнем конце. Пока будем проверять без людей.

Лота поднялась со щепкой в руках.

— Сначала дай мне сдвинуть одну доску. Я должна знать, как звучит её край.

Из-за настила никто не ответил, и она посмотрела на меня. Просьба была разумная. Когда человек долго учился у

верстака, ему слышится сама медь и другое дерево, а на длинном пролёте всё вместе даёт незнакомый голос. Я дала знак Северину подержать пустой настил за опоры. Он встал у стойки, опустил пальцы на холодный металл, и от досок перестало тянуть вниз. Лота подвинула щепку на ширину ногтя.

Доска отозвалась с коротким сучковатым скрипом. По меди прошёл отдельный, более чистый звук. Я слышала его хорошо, была с ним знакома. У Лоты уши покраснели так, что я подумала, она сейчас отступит к двери, пока никто ничего у неё не спросил.

— Поставь обе ноги на землю, — сказал ей Северин. — Ты сейчас пяткой упираешься в стойку и слышишь её через сапог. Вот так. Теперь ещё раз.

Лота выпрямилась. Тронула щепку. На этот раз сразу поднесла к ответной пластине два пальца.

— Первую я слышу, — сказала она.

— А вторая?

— Вторая…

Лота убрала пальцы с пластины и положила снова. Глаза у неё смотрели прямо на пустую доску. Северин по-прежнему держал вес настила и мог стоять так ещё долго. Он успел первым сказать:

— На долю позже. Когда дальний башмак принял часть веса.

Лота отпустила щепку. На сухом настиле разом стихли все

звуки. С другого края Нела заносила бумагу под крышу и замедлила шаг, заметив, что мы стоим друг против друга.

— Лота, — сказала я, — давай ещё раз. Господин Ладд удержит, пока ты слушаешь.

Он переставил ноги, освободив подмастерью место. Лота поддела край щепки ногтем. Я стояла рядом и видела, как ей хочется проверить ответ у меня на лице. Она всё же повернулась к доскам.

— На ближнем два звука. Сначала цепляет доска, потом приходит удар. На дальнем приходит только удар, без дерева. Сапогом я слышала дерево в обоих местах.

Северин отпустил магию, когда она убрала пальцы с края опоры. Вес мягко лёг на низкие башмаки. Лота вынула бирку из-под ворота, села на край настила и записала, что услышала. Три строки крупными буквами. Снизу добавила одну, на этот раз мельче. Я разобрала: «Повторить, когда сухо и когда дождь».

Нела позвала её помочь с копиями. Лота положила щепку у дальней стойки и пошла в класс за Нелой. Со двора было видно, что Нела уступила ей всю первую парту. Лота села, не пробуя, шатается ли.

Я разложила карту на краю настила. Прижала угол щепкой. Под синим пятном возле большого перехода шла тонкая выцветшая черта. Было видно, что её когда-то прорисовали до самой улицы. На лестнице с крутым поворотом черта прерывалась, дальше снова шла ровно. Сбоку старым, ещё

школьным почерком было написано «обход». Сперва я подумала, что синь на карте промокла и сошла. Потом провела по линии пальцем и нашла под краской насечку в бумаге. Карту прокалывали здесь чем-то острым.

Северин присел рядом, на корточки. Его дыхание шло ещё неровно после того, как он снял с себя вес длинного настила. С такого расстояния не нужно было повышать голос.

— Она мне позавчера сказала про калитку, — проговорила я. — Вы знаете, когда её запирают?

— Раньше запирали вечером. Я могу сказать, кто держит ключ теперь.

Я сложила карту так, чтобы старая черта осталась на виду.

— Мне нужно походить там самой. После пробы.

Он придержал сгиб пальцем и сразу убрал руку. Я дождалась, пока он поднимется.

— Спасибо, что показали Лоте, как встать. Она уже собиралась уйти со стойки.

— Я её увидел. Она дышала как перед прыжком.

Мы слушали, как из класса по камню отстукивают шаги. Постовой уходил с двумя свёрнутыми объявлениями. Одно он нёс к большому переходу, другое к парому на Нижнем. У дверей он крикнул, что завтра придёт с дальнего берега и хочет видеть, куда поставят его стул.

Северин дождался, пока дверь снова прикроется.

— Завтра поставьте меня туда, — попросил он. — Хочу сам услышать дальний пост.

Глава 4. Повторить

Первым зрителем у сухого настила оказался человек, которому мост был ещё ни разу не нужен. Он шёл из соседней пекарни, остановился доесть булку у открытой двери и прочитал объявление. Пока дочитывал, со двора принесли скамью. Он сел к тому концу, где было меньше стружек, и доел булку. Второй пришла женщина с Нижнего. Сапоги у неё до щиколотки побелели от глины. Она полчаса шла по объездной, чтобы узнать, сколько ещё этим путём ходить.

— Я могу подождать, — сказала она, когда Дана попросила её отойти за черту. — Лишь бы у вас вышло.

Мне предстояло поставить на чистом листе одно короткое слово, если сейчас выйдет. Я принесла из мастерской свой карандаш. У ученических карандашей на дешёвой бумаге ломались грифели.

Сухой настил помещался под навесом вместе с обоими постами. До того края, который мы назначили Верхним, от земли были две ступени, до Нижнего — одна. С дальнего поста над крышей мастерских виднелась башенка над лестницей настоящего большого перехода. Если приподняться на носки, можно было различить светлое пятно стены рядом. Туда и упиралась на карте линия старого обхода. Северин стоял ко мне спиной, расправляя брезент у перил, и башенка торчала у него прямо над плечом.

— Поставить вас здесь? — спросила я.

Он обернулся. На манжете у него висела нитка. Вчера я знала его в таком сюртуке, в каком он мог провести целое занятие, ни разу не задев подолом доску. Сегодня нитка волочилась по меди.

— Да. Здесь.

Его напарником был старый постовой с Малого, тот самый, который вызвался прийти с дальнего берега. Звали его Арсен. Он отдал Северину деревянный молоток, сам проверил защёлку у ступеней и сел. Широкая скамейка принимала его боком, как в классе. Он взял её с собой через весь двор и теперь сидел выше Северина на полголовы.

На Нижнем Лота подавала команды под присмотром мастера сухого двора. Из городских мы взяли троих взрослых добровольцев. Двое сами служили на переправах. Третья, молодая верёвочница Тамра, всю дорогу к нам несла под мышкой бухту, чтобы отдать смотрителю после пробы. Пришлось уговорить оставить её на земле. Тамра хотела пройти с привычным весом на плече и огорчилась, что для первого раза ей велели идти налегке.

— Очень хочется? — спросила я её.

— До смешного. Мимо хожу и каждый раз жду, что кто-нибудь позовёт.

На большой переправе её и так звали, когда требовалось привезти моток бечевы. Вставать на пост там могла только выучившаяся смена. Эту разницу я знала с тех пор, как мне

впервые позволили нести на воду нож, но попросили подать его мастеру рукоятью вперёд и отойти.

Нела притащила свой лист к средней стойке. Дана пододвинула ей доску, чтобы писать стоя. У двери во двор стояла Улья и поджидала опаздывающих. Когда там наконец перестали топать, я подняла ладонь.

— Отсюда на Верхний. Трое, по одному. Дальнему готовиться к приёму.

Северин положил ладонь на пластину, потом присел, чтобы видеть, куда ступит первый. Я слышала, как настил перешёл на его руку. Сухие доски приподнялись и качнули полоску солнца у порога. Он пропустил под ней один удар, перевёл пальцы на край пластины и только после этого сказал:

— Верхний готов принять.

На Нижнем смотритель шагнул в сторону. Лота отворила защёлку. Тамра пошла первой, обе руки расправила, как если бы всё-таки держала на плече верёвку. На второй доске пальцы у неё разошлись, на третьей она подняла подбородок. Северин подождал, пока она встанет рядом с ним, и уже тогда махнул следующему. Люди у двери молчали. Последний доброволец умел ставить сапог так, что не скрипели старые мостки на пристани. И всё же медь под его весом спела, а Северин повернул голову на звук. На его открытом запястье вздулась жилка. На большом настиле я её не видела.

— Трое, — сказал Арсен. — Верхний принял.

Лота отсчитала до трёх и ответила. Мне захотелось улыб-

нуться ей через двор. Она смотрела на пустой настил, проверяла, что за последним ничего не волочится. Смотритель вернул Тамре бухту через боковой проход. Та быстро сбегала за навес и поставила её у стены, где никому не помешала. На дальнем берегу, если говорить так, как мы договорились, у неё отросли два красных пятна на скулах. За десять шагов от земли сильно устают только первый раз.

Дана записала, сколько людей дошло и кто ответил. Рядом в тетради Нелы показывалось то же число, только красивее.

— Теперь назад, — сказала Дана.

Пока люди разворачивались, смотритель спустился к Нижнему краю. Лота обернулась на стук его каблука. У ступени болтался кожаный ремешок. Утром им связывали запасные планки, концы обрезали на месте и один оставили на полу. Смотритель наклонился его подобрать. Тамра, ждавшая первой у дальнего края, со своего места видела только верх его фуражки.

На дворе кто-то взялся за дверь со стороны класса. Старая петля с протяжным вздохом потащила за собой дерево. Арсен встал и взялся за защёлку у Тамры. Смотритель задел нижнюю ступень носком. Северин повернулся на стук.

Лота прижала защёлку своим бедром. Потом подняла молоток и подала условный сигнал. Два удара, пауза, ещё два. С моего места в проходе различилось всё. Последний пришёл почти вместе с глухим хлопком двери.

Северин глянул вниз, на шевельнувшуюся доску, и потом

через головы на Лоту. У неё молоток стоял перед животом, пальцами вверх. С такого расстояния можно было принять это за руку, поднятую в ответ. Он повернулся к Тамре.

— Можно. Первая, вперёд.

Арсен не сводил глаз с Нижнего. На команду Северина он отжал защёлку и отступил, открывая Тамре проход.

Дана подняла ладонь перед Тамрой. Та удержала ногу над первой доской. Арсен прижал защёлку локтем.

— Тамра, назад от ступени, — сказала Дана.

Тамра вернулась к стене. Арсен закрыл вход и тихо сказал, что в грохоте двери не разобрал ни одного ответа. Смотритель на Нижнем выпрямился, держа обрывок ремешка в руке. Он потом так и простоял с ним, пока мы говорили, сматывая короткую кожу вокруг пальца. Я глядела на этот палец и ждала, когда Северин спросит, почему ему помешали. Пару раз я видела, как он прерывал давшего неверный ответ, пока тот не договорил. Мне тогда казалось, что на его месте так бы сделал каждый, кому надо отпустить класс до обеда.

Он убрал магию. Под доской легко стукнул башмак.

— С Верхнего я дал пуск, — сказал он.

Никто не возразил. Женщина у двери поднялась со скамьи, а потом села обратно и поправила подол. Она скребла носком сапога об пол. Белая глина осыпалась, и на сгибе открылась трещина. Я вдруг подумала, что на большом переходе давно можно было бы открыть хотя бы один проход в день. Поставить человека у обеих опор, пустить пеших и

вычерпать воду с Нижнего схода. Люди попали бы домой к ужину. В такой день особенно трудно закрыть калитку, когда человек уже занёс ногу.

Дана вынула из папки мой экземпляр. У неё было своё поле, у меня — своё. Она записала, в какой момент вмешалась, и подвинула лист. Рядом нашлось место для одного слова. Я взялась за карандаш, но сперва окликнула Лоту. Её смотритель уже нёс ремешок в сарай, и она держала обе руки перед собой, без дела.

— Скажи, какой ответ ты дала.

Девушка бросила короткий взгляд в ту сторону, куда ушёл смотритель. Северин остался возле Верхней защёлки. Мог спросить у взрослого, у кого бирка мастера и право заступать в смену. Он шагнул ближе к настилу, чтобы Лоте не пришлось на весь двор повторять.

— Какой ответ ты дала? — спросил он её.

— Я закрыла Нижний. У выхода ещё был человек. Два раза по два стука.

— Сколько времени он там был?

— До самого вашего «вперёд».

Северин прижал нитку на манжете пальцем. Возможно, он думал о том, сколько времени было у него, прежде чем он сказал Тамре идти. Мне хватило бы ещё одного вдоха, чтобы дождаться чистого голоса с того края. На его месте надо было услышать, что этот вдох ещё есть. Я видела это со своего среднего поста, где слышно обе стойки и дверь сзади.

— Я принял шум за ответ, — сказал он Лоте. — Надо было дождаться тебя.

Он повернулся к Тамре. Она уже пришла в себя и переступала с ноги на ногу, как прежде у двери. Бухта так и лежала у стены за Верхней стойкой. Он снял с неё налипшую стружку и подал Тамре.

— Можно я ещё раз пройду, когда будет время? — спросила она.

— Тогда, когда с обоих концов разрешат.

Я написала «повторить». Грифель тихо хрустнул под последней буквой. Пришлось провести по ней ещё раз, и тогда она стала толще остальных. Женщина у двери увидела, куда я смотрю. Я ждала, что она спросит, когда мосты откроются. Она собрала подол в кулак и сказала:

— Я до темноты доберусь. Снимите только с двери объявление, как нового дня ещё нет. У меня с Нижнего сосед хочет прийти после обеда.

— Пусть приходит, — ответила Дана. — После перерыва здесь можно смотреть, как смена разбирает пробу. Следующий день вывесим отдельно.

Дана подписала лист и придержала угол, пока я ставила свою подпись. Нела взяла его обеими руками. Над порогом для результата был оставлен второй гвоздь, на самом свету. Когда Нела повесила лист, надпись стала видна с улицы. Даже моя жирная последняя буква.

Северин спустился с Верхних ступеней и на пороге задер-

жался. Улья подошла с его пальто. Он вытянул руку, чтобы взять его, а сам всё смотрел на лист. Пальцы у него были ещё чуть согнуты, как тогда, когда он держал вес настила. Пальто чуть не соскользнуло. Он подхватил его у пола и повернул обратно ко мне.

— Вы слышали обе пары?

— Слышала.

— Покажете место?

За его спиной Лота нагнулась под скамьёй за своим молотком. Туда его сдвинул смотритель, чтобы не спутали с инструментами бригады. Она подняла его и уже шла к двери, с которой можно было слышать двор с улицы. Мне стоило спросить, успевает ли она домой обедать. Северин перехватил мой взгляд и положил пальто на скамью.

— Пусть сначала она постучит, — попросил он. — Как утром.

Глава 5. Чужое ухо

После перерыва Лота принесла на Верхний молоток и доела яблоко.

— Как стучала при вас, я помню, — сказала она Северину. — Только вы теперь точно знаете, что ждёте стук.

Он вытянул руку, чтобы взять молоток, и опустил её. Нела снова устроилась у средней стойки. В тетради у неё под утренним «повторить» шла пустая половина страницы.

— Хочешь, чтобы я отвернулся? — спросил Северин.

— Хочу, чтобы вы сперва послушали вот там, у госпожи Ранн. Встаньте на её место. А она на ваше.

Лота выкинула огрызок во двор, перелезла через низкий порог и пошла к себе. После обеда навес почти опустел. Женщина с Нижнего успела уйти, её сосед так и не пришёл. На скамье у стены мастер резал шнур для ставней. Когда по дереву потянулась щетина верёвки, я услышала, как низко гудит доска у него под ногой. Утром рядом стояли зрители, никто бы не услышал.

На месте Северина я могла разглядеть половину лица Лоты. Нижнюю стойку заслонял щит из тонких досок. Им загораживали инструменты от тех, кто шёл через двор к дежурным. С одной стороны в сгиб щита засунули тряпку. Она подрагивала от сквозняка, и на сухом краю, обращённом ко мне, было видно три старых дырки. Когда Лота подняла мо-

лоток, показался только светлый угол рукояти.

— Готовы? — позвала она.

— На середине слышно, — сказал Северин.

Я слышала его лучше, чем Лоту. Два коротких удара, пауза, ещё два. В тихом дворе я расслышала все четыре. С Верхнего стук по деревянной стойке звучал глуше, чем на середине.

— Четыре, — сказала я.

Нела подняла руку.

— Ещё раз? Я могу за дверью пройти.

— Попроси кого-нибудь с собой, — сказала я. — Утром по одному никто не пришёл.

Она подозвала Улью, и девушки вышли через класс. Через несколько мгновений за дверью послышались шаги, ровные и невероятно тяжёлые для двух девушек с пустыми руками. Кто-то из них засмеялся. В дверях заскрипела та самая петля.

Лота привычно отвела плечо. Наверное, на Нижнем она слышала залп целиком. На Верхний дошёл только последний короткий стук. Я узнала его по сухой ноте, по тому, как он оборвался. Утром между звуками я успевала перевести глаза с Лоты на Северина и обратно. Здесь вместо первых трёх ударов у меня оставался голос Ульи, спрашивавшей Нелу, где у неё карандаш.

Северин повернулся прежде, чем я ответила.

— Я слышал четыре. Вы?

— Один. Остальные забрала дверь.

Он сошёл со среднего поста и взялся за перила рядом со мной. Снизу рвануло холодом. Там, где я стояла утром, низкая стенка оставляла щель как раз напротив колен. Ветер выгонял из неё солому и рыжую стружку. Теперь, на Верхнем, я увидела, как стружка добралась до моих сапог. Одна зацепилась за шнурок.

— У средней стойки вы с утра держали плечо вот так, — сказал Северин и прижал своё плечо к стойке. — Я думал, стараетесь меня видеть.

Мне стало смешно от того, с каким усердием он повторил мою позу. Даже подбородок спрятал в ворот. Я действительно старалась его видеть. И ещё хотела, чтобы не разошлась заново промокшая подкладка у колена.

— Тут продувает.

— Хотите переставить щит?

— Щит потом. Ставню за вашей спиной прижмите. Она ходит в пазу.

Он не стал спрашивать, какую. Повернулся и придавил её ладонью там, где у меня всё утро не хватало свободной руки. Доски перестали дребезжать. Я ещё секунду слышала их там, где ждала звука. Потом с Нижнего пришло короткое цоканье каблука. Лота выходила из-за щита, несла молоток в сложенной перед собой ладони.

— Ставню держу, — сказал Северин. — Теперь вам слышно?

— Вас слышно.

Мне стало жарко от этого ответа. Я повернулась к сухим доскам. Лота подошла вплотную к нам, и щит уже не мог забрать её голос.

— Можно я в этот раз встану к выходу из-за щита? Когда подавала сигнал, выглянуть мешала скамья. Я могу убрать её и достать до стойки с другой стороны. Сам щит оставим.

— Покажи, — сказала я.

Лота вернулась на Нижний и зацепила носком ножку скамьи. Скамья с коротким скрежетом вышла из угла. Мастер у стены поймал на лету свой шнур. Он хотел было возмутиться, но Лота подхватила дальний край, и вдвоём они поставили доску туда, где с неё было бы слышно оба конца.

Я уступила Северину место у Верхней пластины, где он стоял утром, и отошла к средней стойке. Он освободил ставню, и ветер один раз ударил ею о раму, прежде чем она встала на место. Улья прикрыла внутреннюю дверь. Нела осталась во дворе, подложив под тетрадь ладонь.

— Слышу Нижний, — сказал Северин.

— У нас пока закрыто, — крикнула Лота.

Она ударила из прохода рядом со щитом. Удар раскрылся прямо навстречу, к Верхнему, и две пары дошли до него почти с той же силой, как ко мне утром. Северин ещё ждал. За его спиной Улья специально потянула дверь на себя. Мы услышали и петлю, и Лоту.

— Вот теперь слышал две пары, — сказал он. — Утром

пришёл один короткий звук. Думал, ты ударила каблуком, уже когда отходила.

— Я даже не отошла, — ответила Лота.

Северин передал Лоте молоток, который она положила на ступень, и попросил на этот раз промолчать. Она могла стоять у самого края, молоток у неё был в руке. На среднем посту я понимала это без звука. Ему до её лица надо было дотянуться через доски, шум и две запертые защёлки.

На пустом настиле он удерживал магию одной рукой. Пластина дрогнула. Звук был почти тот же, что утром, когда смотритель задел ступень. Теперь никто не мог войти. Улья на всякий случай заперла и дверцу в торце.

— Нижний, приём? — позвал Северин.

Лота не ответила. Он выждал, пока отзовётся дальняя опора и утихнет дерево. Ещё раз позвал. Лота подняла молоток, но так и не ударила. Я видела его сбоку. С Верхнего щит закрывал Лоту до плеча. Если бы Северин подошёл к перилам, светлое дерево можно было принять за жест рукой. Он убрал руку с пластины и отступил за защёлку. Дверь за его спиной уже не скрипела. Зато с улицы было слышно, как мальчик зазывал людей к последнему дневному парому. Он пел на одной ноте так звонко, что не оставалось сомнений: мальчику третий раз велели замолчать, и первый раз он не послушался.

Северин придержал защёлку, чтобы никто не открыл её со двора.

— Верхний закрыт.

Лота спросила, сколько он теперь будет ждать. Северин повернулся к Нижнему. Лота по-прежнему стояла за щитом. Её лица я не видела, зато вопрос она задала так громко, что Улья у двери обернулась.

— Сколько понадобится, чтобы узнать, что у вас происходит, — сказал он.

Улья подошла к Лоте коротким путём по земле. Они вместе отнесли молотки на полку. Нела отметила что-то в тетради и закрыла верхний край пальцем, пока не высохли чернила.

— Это тоже вывешивать? — спросила она.

— Нет, — сказала я. — С утра у нас была проверка. Сейчас разбирали звук. Утренний лист остаётся как есть.

Северин успел услышать. Он поднял перчатки с настила и протянул мне мою. Я потеряла её ещё утром. На ладони сохранилось пятно мела, которым я обычно проверяла перила. Держать перчатку мне хотелось и на голой ладони, и просто за край. От него она пришла тёплая.

— На Верхнем у стойки осталась, — сказал он. — Я унёс её туда, где сухо.

Через дверь виднелся класс. Я различала край первой парты и деревянный кораблик на столешнице. Утром в тишине за этим столом я слышала, как Нела ведёт пером. На воде мне до кожи обжигало слух, если оба берега надолго умолкали. В мастерской я научилась этому раньше, чем всему осталь-

ному.

— Мой учитель любил уходить за шкаф, пока я объясняла ему, что слышу, — сказала я. — Первое время я умолкала, как только он исчезал. Считала, что он ушёл по делу. А он с той стороны поднимал тяжёлый рубанок и ронял на верстак. Если положить ладонь у края, дерево успевало толкнуть её прежде, чем до уха доходил стук. Он спрашивал из-за шкафа: какой из ударов ты услышала первым?

Северин прикрыл дверь. Изнутри шло ровное тепло. Возвращаясь к стойке, он не смотрел на перчатку. Положил на край скамьи свои, пальцами к своим коленям.

— Какой вы услышали?

— Дерево. В первый раз я сказала, что рубанок. У него хороший был рубанок, хотелось отгадать по нему.

Я засмеялась, и возле двери зашевелился мастер. Он подумал, видно, что речь про его работу. Поднял шнур, показал конец с новой петлёй и вернулся к своему ножу.

— Вы сейчас руки так держите, как у верстака? — спросил Северин.

У меня пальцы уже лежали на плоском краю скамьи. Я делала это всю жизнь, когда кто-нибудь замолкал посреди разговора. Теперь под руками ничего не отзывалось. Надо было их убрать. Северин разглядывал тонкую белую линию у моего указательного пальца. Мел туда попал утром, когда я проводила границу для зрителей. Он смотрел ровно столько, сколько заняло бы перевести взгляд с ладони на лицо, и этого

мне хватило.

— Всегда, если жду ответа, — сказала я.

Он поднялся первым. Наверху на стене ещё держалась полоса солнца, совсем тонкая. Разбирать больше было нечего. На двери висело моё «повторить». Его было видно из-под крыши, пока ветер не загибал нижний край листа.

В класс вернулась Нела, уже в пальто. На руке у неё висели две чистые дощечки. Она хотела узнать, на завтра оставить у стены всё как есть или убрать. Северин подошёл к ней, потом повернулся к Лоте, которая складывала у Нижней стойки шнур.

— Завтра обычный урок, — сказал он. — Я буду учить тех, кто ещё не держал пост. Если с другого края не ответили, вход остаётся закрыт. Нела, напиши это у двери во двор. Лота, придёшь послушать?

Лота завязала шнур и сказала, что придёт. Я натянула перчатку. Тепло от неё почти ушло, зато по всей ладони защекотало мелом. Пальцы ещё слушались. Я подождала, пока Лота поднимет голову, и сказала ей, что тоже приду.

Глава 6. Руки ученика

Мирт явился на урок с кухонной табуреткой. За ножки держала его сестра, за сиденье — он сам. Доставили её до первой сухой ступени и поставили набок. На каждой перекладине осталось по следу от ладони.

— Мне велели сидеть, — объяснил Мирт.

Теперь, без распахнутой куртки и опасного настила под ногами, я узнала его по волосам. Верхушку ему недавно постригли. Один вихор сбоку стоял в точности так, как я помнила по большому переходу. Сестра, заметив, куда я смотрю, потянулась этот вихор пригладить. Мирт опередил её и натянул на голову шапку.

Северин вышел из класса с пеньковой сумкой. Поручил смотрителю отпереть сарай, а сам поднял табуретку. Мирт вытянул здоровую ногу, чтобы пропустить его.

— Куда несёте?

— Туда, где тебе работать.

— Лекарь сказал, сидеть можно. Ходить пока до двора и обратно.

— Тогда ты занят у выхода. До досок не пойдёшь.

Сестра отдала Мирту приплюснутый свёрток, велела не потерять и ушла. К табуретке он добрался мелкими шагами, сам себе ставя предел каждого. Я видела, как ему хочется обернуться, чтобы проверить, кто замечает. От этого он чуть

не налетел на низкую стойку. С той стороны была Лота. Она выставила перед ним ладонь, он положил на неё свёрток и сел.

Урок был обычный. Дана с утра ушла в совет и оставила нам двор. На стене всё ещё висели вчерашние условия и лист с повтором. Ученики проходили мимо, и каждый чуть замедлялся на том месте. Мирт подвинул табуретку так, чтобы видеть своё имя на списке тех, кому предстояло учиться у берега. Имя стояло внизу. Издалека виднелась только слишком широкая первая буква.

Деревянный молоток глухо лёг Мирту на колено. Он устроил его на штанине и потянул табуретку к стойке. От скрежета ножки Лота, стоявшая рядом, приподняла пятку. На другом конце Северин уже передавал такой же молоток Улье. Двое её напарников приподняли над землёй учебную раму. На доски с ней сегодня никто не должен был выходить. У Мирта под ногами лежала полосатая дощечка. По условию урока Нела задержится у неё и закроет собой путь с настила.

— Как поймёшь, что у Ульи приготовились идти? — спросил его Северин.

Мирт свесил молоток с колена.

— Крикнет.

— Ты слушай и смотри. Если у тебя под ногами кто-то задержался, подаёшь закрытие. Две пары. Кто засмеётся, будет сам держать пост с этой табуретки.

— А если они всё равно пойдут?

— Не пойдут. Начинаем только по ответу с твоей стороны.

Мирт попробовал поднести молоток к отметке на стойке. Табуретка подалась за ним. Лота поймала ножку каблуком. Мирт выпрямился и опять отмерил рукой расстояние, но до отметки ему не хватало двух пальцев. Нижний край стойки был ближе. С другой стороны он прятался за доской и потому на предыдущем занятии его старались не трогать.

Северин присел перед стойкой. Отсюда у него голова приходилась на одну высоту с Миртовой. Он взял молоток у парня, стукнул чуть ниже отметки и положил обратно ему на ладонь. Из дерева вышло достаточно чисто, чтобы Улья на том конце подняла голову.

— Вот сюда, — сказал Северин. — Кисть разверни, большой палец отведи от ножки, чтобы не задеть. Попробуй сначала дотянуться. Лота, отними каблук, пусть почувствует, где ему удобно сидеть.

Лота отодвинула ногу. Мирт устроился боком и сам переставил табуретку. На этот раз молоток достал до стойки без качки.

— Есть, — сказала Улья. — Слышу Нижний.

Мирт поднял глаза. За короткое время, пока его слушали, исчезла натяжка в щеках, с которой он пришёл. Я знала у Северина этот дар. Человек рядом переставал думать о том, как выглядит его рука, и вспоминал, зачем её поднял. Тут он ухитрился даже не заметить, кто смотрел с лавки у стены.

Начали с неподвижной рамой и пустым выходом. Двое

подняли раму, прошли вдоль своего конца и положили её там, где полагалось ждать ответа. Нела нагнулась поднять с земли дощечку. Мирт увидел её на пути. Молоток у него пошёл вверх, но повис, потому что табуретка опять заскрипела. Он упёрся здоровой ногой в землю. Северин встал за ним, пригнул плечо и придержал стойку. Пока Мирт на неё оглядывался, Северин взял с полки запасной молоток и сам выбил две пары.

С Верхнего ответила Улья. Раму поставили и отошли. Всё получилось быстро, почти без паузы. На табуретке сидел Мирт с молотком над коленом. Нела выпрямилась и взглянула в его сторону. Он опустил руку так бережно, словно боялся разбудить кого-нибудь, кто спал у него на ноге.

— Мирт закрывал? — спросила я.

— Я закрыл, — сказал Северин. — У Нелы был занят выход.

Он всё ещё держал запасной молоток. Я ждала, когда он его положит. Северин посмотрел на Нелу, потом на раму, уже оставленную за чертой. Положил молоток на прежнее место.

— Я сам знал, что выход занят, — сказал Мирт. — Я её видел.

— Знаю. Ты дольше устраивался на табуретке.

Парень поправил на колене широкую штанину. Его ушибленная нога была в старом сапоге, разрезанном по шву. Сапог приспособили как мягкую шину. Пока Мирт сидел, мне

не было видно, как сильно он увеличился вокруг лодыжки.

— Хотите, сделаем ещё раз? — спросила я Мирта.

Северин поднял голову. Когда-то на занятии у доски я смотрела только на мел. Если он лежал на полке, можно было дождаться тишины. Если Ладд держал его в пальцах, следующий вопрос шёл сразу. Теперь Северин стоял с пустыми руками, и я поняла, что могу их так и оставить.

— Сделаем, — ответил Мирт. — Только с табуреткой я сам.

Двое у рамы вернулись на место. Лота попросила Нелу отойти, пока Мирт разворачивается. Он подтянул табуретку за перекладину, примерился к стойке и поставил здоровую ступню так широко, как мог. На этот раз дерево под ним даже не хрустнуло. Северин отступил к стене. На полу между ним и запасным молотком осталось три широкие доски.

Нела нагнулась за своей полосатой дощечкой. Мирт уже держал молоток на весу. Первая пара ударов получилась тесная, как два быстрых шага. Он выждал и подал вторую. Улья ответила положенными словами. Мирт до конца дослушал и только тогда положил молоток на колено.

— Нижний закрыт, — повторил он, теперь тише, самому себе.

Северин подошёл, когда раму сняли и Нела освободила выход.

— Сколько тебе понадобилось времени? — спросил он.

— Пока упёрся ногой. Табуретка по земле ездит.

— Значит, найди ей упор. Лота может подложить обрезок. Скажи, куда.

Лота сняла с полки обрезок. Мирт наклонился, примерил его у задней ножки и попросил Лоту подбить доску снаружи, чтобы табуретка не скользила. Северин стоял рядом и смотрел, как он возится с доской. За это время он мог провести здесь ещё половину урока. Улья за дальним концом успела отойти выпить воды. Никто не торопил Мирта.

Когда остальные ушли к умывальнику, парень развернул свёрток. Внутри была холодная лепёшка, придавленная деревянной ложкой. Он отломил кусок, положил на колено и предложил мне. Я отказалась. Мирт накрыл лепёшку тряпкой, поднял глаза и обнаружил рядом Северина.

— Ты тогда на мосту на меня оглянулся, — сказал Северин. — Уже после того, как девушки сошли. Хотел что-то сказать?

— Я смотрел, куда ногу ставить. Нела взяла вас за руку, и я тоже хотел. Потом подумал, что вы махнули, чтобы я шёл быстрее.

Северин вытянул руку над настилом. Кисть осталась чуть повёрнутой, как при подзывании издалека. С места, где сидел Мирт, я и сама, пожалуй, не разобрала бы.

— Я хотел тебя придержать, — сказал он. — Схватил за ворот. Ты успел ногу подвернуть раньше?

— Уже когда сошёл. Я стукнулся о камень, а дальше стоял. Ничего так, пока сапог не снял.

Он начал жевать. Северин постоял возле него ещё немного. Я думала, пойдёт к классу, но он спросил:

— В следующий раз как показать, что рука здесь для тебя?

Мирт прожевал и вытянул два пальца. Этого хватило. Северин просто положил ладонь рядом, на уровне его ладони, и подождал. Мирт вцепился, поднялся и нашёл здоровой ногой землю, прежде чем отпустить.

Северин никогда не держал так меня. Я помнила, как он брал на лестнице журнал за корешок, две книги сразу под мышку, чернильницу за горло. До этого утра мне редко случалось смотреть, что у него делают руки, когда в них нет вещи.

Мирт убрал остаток лепёшки в сумку. Северин хотел поднять табуретку. Парень взял её за одну ногу, Лота подхватила за другую. Он весь путь до дверей проделал медленно, удерживая сиденье ниже бедра. Северин остался со мной.

— Тут точно никто не заставит вас стоять у ступеньки, — сказал он и ногой выдвинул скамью из тени туда, где легла тёплая полоска солнца.

Я села. Спина сразу узнала, как я устала. Чёрные от дождя доски передо мной почти просохли, можно было различить два сучка и пятнышко от вчерашнего яблока Лоты.

— Раньше вы бы сказали, что я стою неправильно.

— Раньше я не мог дотянуться до этой скамьи, не уронив журнал.

Я фыркнула так громко, что Лота в дверях обернулась.

Северин уселся на нижнюю ступень. Между нами осталась его вытянутая рука на краю скамьи, пустая. Я опёрлась на доску двумя ладонями и глядела, как у него рядом с ногтем медленно уходит белый след от ремешка.

К нам вышла Дана. Она обеими руками несла свёрнутую карту. Следом прибежала Лота с чистой тряпкой под мышкой, сообразив, что класть бумагу на пыльный настил не стоит. Я взялась помочь. Северин придержал карту с дальнего края, и старая линия легла как раз между нашими ладонями.

— Я позавчера вернула вам карту, — сказала я ему. — Хотела узнать, где начинается обход. Вы говорили, кто-то держит ключ.

— В дворовой конторе. Я сегодня утром попросил служителя найти его для вас. У них два крючка под одинаковые ключи. На одном бирка от кладовой.

Лота уже водила пальцем вдоль тонкой насечки.

— Если идти сверху, ступень прямо за углом. Я сестру казначея там видела. Дальше вниз не ходила.

Дана прижала край карты перчаткой, наклонилась и прочитала выцветшее слово.

— Вы хотите сначала открыть сверху?

Мне сразу представилось, как мы с ключом спустимся по ступеням. На удобном берегу легко начать осмотр там, где стоят свои люди. Внизу у лестницы в сухую погоду был виден камень с выемкой под ставень. Весной его скрывало водой. По этой отметке мы, бывало, спускались с ремнём на поясе,

пока он не намокал насквозь.

— Хочу сначала идти так, как человек пойдёт с площадки, — сказала я. — Ключ пусть принесут наверх. Снизу попробуем добраться до улицы без него.

Дана потянулась к карману за карандашом. Из двора запахло клеем. Смотритель уносил в сарай новые планки, и каждая по очереди стукала о косяк. Вчера я бы попросила остановить их, пока мы говорим. Сейчас слышала все удары и ни одного не перепутала со стуком по стойке.

— Завтра утром, — решила Дана. — Я попрошу надзор открыть нам площадку с воды. От академии кого берём? Нужен кто-то, кто знает сухой подход к лестнице.

— Я пойду, — сказал Северин.

Я оторвала край ненужного листа и написала для Лоты, во сколько ей быть у мастерской. Она подставила ладонь, поймала бумагу и сунула в карман, который прежде застёгивала, лишь бы не потерялся ключ с Малого.

Дана записала всех четверых. Северин сложил карту по старому сгибу. Через реку, где нижнюю часть города загораживали крыши, уже начинали тянуться пятна света. На закате там шли с парома по одному и долго ждали, пока пристанет следующая лодка. Я вспомнила камень под лестницей. На карте в том месте ещё оставалась белая бумага, и утром её предстояло заполнить с нашей стороны.

Глава 7. Калитка

На огороженную площадку мы вошли с воды, как и собирались. Лодочник речного надзора подал мне весло ручкой вперёд, чтобы я перебралась через борт. К спуску на Большой переход его лодка приставала носом. Она то поднималась до камня, то уходила вниз, натягивая причальную верёвку. Пока несла ногу над бортом, я успела прочесть надпись на столбе у воды. Мелом, крупно, со стрелкой вверх. «При закрытии перехода выход на улицу».

Лота пришла следом и остановилась у столба.

— Мне её едва видно было с лодки, — сказала она. — Вы вставали как раз перед стрелкой.

Я попросила лодочника не уходить. Под стеной хватало места, чтобы он держался в стороне от лестницы, и плеск не мешал бы говорить. Он перехватил верёвку, закрепил на кольце, достал рукавицы. У воды всё шло своим порядком. Над входом на настил висела цепь, а дальше ни доски. На другом берегу чья-то куртка сушилась на перилах. С того берега я знала только, как сидит в пазу повреждённый башмак. Теперь могла увидеть его вблизи.

Северин высадился последним. Он умел так перенести вес, что у лодки под ногами почти переставало качаться. Дана сунула под куртку карту. Пока мы стояли вчетвером, стоило отойти от стены на шаг, чтобы попасть под воздух с ре-

ки. Вода сегодня несла светлые полоски коры. До большой ей было далеко, но с утра выше причальных колец уже висела сухая трава. Вчера на Нижнем я её не видела.

— Ключ отправили наверх, — сказала Дана. — Я велела ждать у выхода. Договорились, что из конторы подадут голос, только если позовём.

— Сколько вверх идти? — спросила Лота.

В город можно было выйти через главный двор академии. Туда от площадки вёл высокий железный проход к учебной пристани. За цепью виднелась его первая ступень. Во время работы Большого по нему с обоих берегов ходили в город. Но в случае остановки перехода он мог быть закрыт вместе с академическим двориком. Старая стрелка отправляла людей в противоположную сторону. Вода размыла конец стрелки. Мел забился в щели столба и держался ярче всего у самого края, где начинался поворот.

— Пойдём и узнаем.

Первые несколько ступеней были ровные, обтёсанные для прохода двух человек. Со стороны воды их ничто не прикрывало. Я повела Лоту ближе к стене, подвинулась, чтобы Дана могла идти той же стороной. На третьей ступени из стены торчал железный штырь. Кто-то обмотал его старой пряжей. Когда-то тут висел звонок. От него на камне осталось круглое углубление. В углублении скопилась сухая земля, как в ладони, которую долго держали раскрытой.

Выше лестница меняла направление. Именно там недо-

ставало правого угла. Я шагнула к стене привычно, раньше, чем увидела скол. Северин остановился за моей спиной.

— Сюда ведёт обход?

— Стрелка одна.

Дана развернула карту. В сырости она складывалась сама. Лота придержала её двумя пальцами, и выцветшая линия протянулась чуть дальше нашего поворота, вверх, по камню. На бумаге лестница выходила сразу на улицу. Я убрала край карты из брызг. Под ним на стене белела полоса старого наноса. В высокий разлив вода доходила до этой ступени. Я могла просунуть пальцы в промежуток между полосой и краем ступени ниже. Нога взрослого человека умещалась бы там только носком.

— Дана, отметьте, докуда дошло, — сказала я.

Лота положила ладонь на камень у белой черты. Под её запястьем осыпался мелкий песок. Ступень пониже всё ещё была влажной. Для записи Дане потребовалось встать ещё на ступень выше. Северин взял карту за угол и удержал, пока она писала. Такой ветер до верха доходил с реки только весной. Я видела, как он подбирается нам под рукава, и вспомнила, что когда-то здесь стояла в самой лёгкой из своих рабочих рубах. Старую ткань я оставила дома, чтобы вечером съездить к матери. Домой в тот день добралась уже в чужом синем пальто.

У самого поворота Лота нагнулась. Между стеной и ступенью застряла детская пуговица, выкрашенная голубой крас-

кой. Она была тонкая, с двумя большими дырками. Лота подцепила её ногтем, подняла на середину ладони и чуть улыбнулась. У неё дома была младшая сестра. В мастерскую она как-то принесла целую коробку таких пуговиц, выбирала потом до вечера, кому какие пришить.

— Дальше мокро, — сказал Северин.

Мы шагнули за поворот. Там у нижней стены лежало ведро без дна, полное тёмного песка. Сапог на камне над ним ставился только боком. До высокой улицы оставалось шагов пятнадцать. За решётчатой калиткой уже было слышно, как по улице тащат тележку. Деревянные колёса перескакивали со стыка на стык и ненадолго заглушали воду. Я различала кашель у косившей на петлях двери пекаревской лавки. Кто покашлял, отсюда видно не было. Хотелось просто выйти и пропустить тележку.

Я взялась за калитку на высоте руки. Дёрнула. Она подалась на ширину большого пальца и снова встала. Между двумя прутьями с улицы сверкнул язычок новой петли. Светлый замок висел высоко, вне досягаемости ладони с лестницы. Его продели сквозь две внешние проушины. Нижняя из них была винтом присажена к старому железу и уже просела под весом дужки.

— Этот, — сказала Лота. — Я его с улицы видела.

Дана подошла на соседнюю ступень. Она не умела стоять на каменных лестницах боком. Её сапог упирался прямо, с носка, и поэтому она задевала мою пятку. Я сделала полша-

га вверх. Сразу стало легче держаться, но теперь под спиной была решётка. Улицей пахло тёртым кирпичом и свежим хлебом. Я чувствовала даже тепло от стенки у высокого крыльца напротив. Если бы пришла сюда за хлебом, спустилась бы с другой стороны и на железо вообще не взглянула.

— Можете достать? — спросила Дана.

Я показала ей руку. Чтобы протянуть, надо было просунуть предплечье в узкую часть решётки, а она расширялась только у самого низа. Изнутри до замка добрался бы ребёнок с очень тонкой рукой. И каким чудом у него окажется ключ, я представить не могла.

— Попробую старым засовом.

Внизу под прутьями ещё торчала загнутая полоса железа. Прежде её можно было приподнять через решётку. Она входила в нижнюю петлю, медленно возвращалась на место и не давала воротам биться о стены на ветру. Я наклонилась, двумя пальцами взяла полосу за холодный край и подняла. Железо послушалось. На высоте глаз казённый замок при этом даже не качнулся.

У меня под правым коленом был тот самый камень. Двенадцать лет назад по нему, загнув пальцы, скользили чужие руки. Я тогда стояла почти так же низко. Руки подо мной никак не могли удержаться за сколотый угол. Мне пришлось коротко вдохнуть. Камень под ногой был сухой. Пальцы сейчас держались за мой собственный рукав.

— Веда? — тихо спросил Северин.

На лестнице он впервые назвал меня просто по имени. Я выпрямилась. Он стоял ниже Даны, обе руки держал на виду. За ним, над поворотом, с белой стены свисал кусок старой верёвки. Руки на камне исчезли, зато я вдруг отчётливо вспомнила вес синего пальто, особенно у подола.

— Старый засов работает. Наверху ещё замок. Сейчас его не открыть с нашей стороны.

Дана попросила Лоту пройти назад до той отметки, откуда впервые виден верх решётки. Лота спустилась, чуть пригнула голову под штырем и оглянулась.

— Только здесь.

Она находилась от меня так близко, что наш разговор слышала бы любая очередь на лестнице. Если наверху замок и люди уже набились в поворот, им пришлось бы разом спускаться спиной. На нижней ступени некуда отступить тому, кто шёл последним. Лодку мы позвали заранее. В половодье она могла ждать за стеной или подбирать пеших совсем у другого берега.

— Запишите, что калитку видно только за поворотом, — сказала я Дане. — Если закрыто, люди поймут, когда за ними уже стоят другие.

Дана опёрла папку о край решётки. У меня за спиной загремели колёса. Телега подъехала ближе, и кто-то сказал на улице, что её надо вести мимо калитки осторожно, там ходит ключник. Мы переглянулись с Лотой. Она поднялась на ступень и крикнула, что мы здесь.

С улицы ответил голос служителя дворовой конторы. Он шёл сюда не со двора академии, хотя у него был ключ, а со стороны пекарни, откуда до нас тянуло хлебом. Северин спросил, успел ли служитель проверить ключ.

— Сейчас проверю.

С другой стороны решётки показалась бронзовая бирка. Она болталась на связке с железными кольцами. Служитель примерил ключ сперва боком, потом повернул. Щёлкнуло. Замок он снял с улицы, взял на ладонь и сунул за подол, чтобы никого не ударить, пока отходит. Калитка ожила сразу. Она распахивалась наружу. На ступени мы могли толкнуть её только после того, как убрали замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.